

И.А. Барина

Пермский национальный исследовательский политехнический университет

И.Г. Овчинникова

Пермский государственный национальный исследовательский университет

АССОЦИАТИВНЫЙ МЕХАНИЗМ В ТЕКСТОПОРОЖДЕНИИ: СТРАТЕГИИ РАЗВЕРТЫВАНИЯ ЦЕЛЬНОСТИ

Статья посвящена исследованию ассоциативного механизма в процессе порождения текста. Представлены некоторые стратегии развертывания цельности текста как его основного свойства.

Ключевые слова: *текст, цельность, ключевое слово, тема, рема, ассоциативное поле.*

Лингвистика текста – это обычно лингвистика развернутого текста. Однако в реальных процессах коммуникации развернутыми текстами пользуются далеко не всегда. Между нерасчлененными знаками невербальной коммуникации и развернутыми текстами имеется зона переходных типов текстов небольших размеров, причем предполагается, что они выступают как базовые по отношению к развернутым текстам. При функциональном, деятельностном подходе, учитывающем фактор человека (создающего и воспринимающего текст) и коммуникативной ситуации, оказывается, что ни характер структуры текста, ни даже сами его размеры не являются основополагающими, базовыми факторами, определяющими статус текста как такового, и характеризуют лишь тексты, созданные для определенного типа коммуникативных ситуаций. При таком подходе необходимо расширение самого понятия «текст» и привлечение к анализу гораздо большего круга объектов, в том числе и тех, которые можно определить как тексты- «примитивы», то есть тексты небольшого размера, часто с «неправильной», упрощенной (с точки зрения нормы) структурой.

Термин «тексты-примитивы» был введен Л.В. Сахарным для обозначения текстов (точнее – текстовых структур) небольших размеров с полным или почти полным отсутствием специальных средств связности.

Несмотря на то, что тексты-примитивы имеют различный генезис, они универсальны по структуре и в них реализуются все основные характеристики текста: текст-примитив наделен цельностью и максимально простым комплексом связности.

Многосторонние исследования свойств текстов-примитивов и особенностей их функционирования позволили Л.В. Сахарному выдвинуть и обосновать положение о фундаментальности механизма образования текста-примитива и базисности его для речевой деятельности [1].

Отметим ряд положений теории текстов-примитивов. Интерес представляет положение о парадигматической организации текстов, объединенных одним инвариантом цельности. Цельность как функционально-коммуникативная соотнесенность текста с одним объектом (простым или сложным) может быть реализована в парадигме текстов с большей или меньшей степенью расчлененности, ясности и осознанности. Текст-примитив входит в парадигму текстов, которая может быть представлена следующим образом: 1) отдельное слово-текст; 2) различного рода наборы ключевых слов (НКС) текстов; 3) грамматически оформленные неоднословные предложения-тексты; 4) различного рода предложения-тексты; 5) различной степени сложности развернутые тексты. Все перечисленные тексты являются синонимами, так как передают один и тот же инвариант цельности.

С понятием парадигматической организации текстов связано понятие текста-перифразы, так как переход от одного текста парадигмы к другому представляет собой процесс перифразирования-свертывания, если мы идем от исходного развернутого текста к слову или словосочетанию, и перифразирования-развертывания, если мы идем от слова (или НКС) к тексту. Понимание текста предполагает возможность построения субъектом типологически сходного текста, то есть некоего аналога, содержащего основные смысловые компоненты исходного, воспринятого текста. Центральным моментом процесса понимания текста является открытие «смысловых вех» и их объединение в единое целое, общую мысль или контекст. «Смысловые вехи» (аналогами которых во «внешней речи» являются ключевые слова разной степени протяженности) можно, вероятно, рассматривать как основные единицы речемыслительной деятельности субъекта в процессе понимания текста [2]. В экспериментах Л.В. Сахарного и его учеников были выявлены интересные закономерности, связанные с действием механизма вербальных ассоциаций при построении текстов [3].

Одним из видов текстов-примитивов является и «текст» ассоциативной пары *Стимул – Реакция*. Расширение материала исследования за счет данных различных типов направленного ассоциативного эксперимента, за счет индивидуальных ассоциаций, открывает новые возможности для изучения вербальных ассоциативных структур. Доказано экспериментально, что стратегия построения «текста» вербальных ассоциаций есть одна из разновидностей стратегии построения текста вообще [4].

Обобщим и проинтерпретируем данные, полученные в серии экспериментов, направленных на исследование ассоциативного механизма в процессе порождения текста.

Начнем с характеристики основных этапов структурирования цельности и развертывания текста по материалам экспериментов.

Для того чтобы развернуть текст на основе фрагмента ассоциативного поля, участнику эксперимента необходимо осмыслить заданные ассоциации как набор ключевых слов (или, по крайней мере, как его аналог). Этап содержательного анализа предъявленных ассоциаций представляет собой осмысление набора ассоциативно связанных слов как целостной структуры. Цель смысловой обработки заданных слов – поиск общего содержания набора слов и интерпретация его в координатах идиолекта. Этот этап закономерен, поскольку нулевой гипотезой восприятия речи всегда выступает презумпция осмысленности: любое речевое произведение человек сначала пытается проинтерпретировать как осмысленное... [5, с. 249]. Из презумпции осмысленности В.Б. Касевича следует, что испытуемые соотносят с заданными словами некоторый «смутный динамический образ» (или несколько конкурирующих образов). Точнее, такой образ порождается в сознании испытуемых по ходу ознакомления с заданными словами, интерпретируемыми как набор ключевых слов. «Смутный динамический образ» может быть как целостным, так и фрагментарным. Целостный «динамический образ» представляет замкнутую смысловую систему, фрагментарный – смысловую систему с неустановленной иерархией элементов. В соответствии с экспериментальным заданием образ необходимо осознать, структурировать (создать замкнутую смысловую систему) и воплотить в тексте (развернуть вербальную цельность).

Предсказуемость и «смутность» образа зависят от силы ассоциативной связи между заданными словами. Естественно, ассоциативная связь сильнее между реакциями низкоэнтропийного ассоциативного поля. Таким образом, декодирование цельности заданного фрагмента ассоциативного поля – аналога набора ключевых слов (НКС) – предопределено силой ассоциации. На основе «сильных» ассоциаций возникают предсказуемые образы некоторых референтных ситуаций, связанных с исходным словом-стимулом.

Таким образом, восприятие и осмысление исходного фрагмента ассоциативного поля в качестве НКС предопределено мерой энтропии распределения ассоциаций в нем. Это означает, что уже на первом этапе выполнения экспериментального задания можно определить некоторый инвариант предвербальной цельности и широту его варьирования в сознании разных носителей языка. Инвариант предвербальной цельности соотносится с образом некоторой референтной ситуации. Образ фокусируется жестче фрагментом сильного ассоциативного поля. Типичная ситуация по-разному вписывается в индивидуальный опыт и по-разному маркирована в идиолекте. Этим определяется вариативность предвербальной цельности.

После осознания «смутного динамического образа» наступает этап его структурирования, т.е. оформления замкнутой смысловой системы. Структурирование происходит благодаря выделению тематических и рематических компонентов, т.е. установлению предикации и иерархии предикатов. Напомним, что в НКС, как показала А.С. Штерн, тема текста задается и конкретизируется ключевыми словами, рема – порядком их следования [6, с. 81]. Впрочем, в экспериментах по восстановлению текста на основе ключевых слов «испытываемые зачастую не производят анализа структуры, т.е. связности (например, при тексте-НКС), и ассоциативным путем конструируют содержание по отдельным опознанным лексемам» [6, с. 148]. Это означает, что при восстановлении смысла текста на основе его компрессированного варианта «включается» ассоциативный механизм, предопределяющий актуализацию индивидуального опыта субъекта, а не логический анализ структуры НКС. Применительно к формированию замкнутой смысловой системы из возникшего на основе фрагмента ассоциативного поля смутного динамического образа это означает, что распределение функций темы и ремы между заданными словами происходит на основе ассоциативного механизма. На выбор темы оказывает влияние фрейм текста, жанровые особенности в том числе.

В наших экспериментах слова исходного набора предьявлялись в случайном (алфавитном) порядке, но исходное слово-стимул (если оно присутствовало) всегда стояло на первом месте. В случае алфавитного упорядочения ключевых слов смысл разворачиваемых (или восстанавливаемых) текстов варьируется весьма широко, что убедительно доказано А.И. Новиковым [7]. Итак, поскольку значимый (с точки зрения экспериментатора) порядок слов отсутствовал, рема, строго говоря, исходным набором не задавалась. При определении ремы испытываемые опирались на ассоциации с заданными словами.

Таким образом, структурирование цельности на основе осознанного образа предполагает вычленение *Topic – Comment*. *Topic*, или тема, так или иначе связана с исходным ассоциативным полем; в случае слабых ассоциативных полей эта связь опосредованна. Поиск внутреннего предиката, аналога ремы – это выбор маркирующего элемента. Выбор обеспечивается механизмом ассоциирования.

Сильные ассоциативные связи провоцируют тесно связанные с исходным словом ассоциации. В таком случае рема «принадлежит» исходному ассоциативному полю: при высокой предсказуемости ассоциативных связей (т.е. в случае частотных ассоциаций) в качестве ремы выбирается одно из заданных слов. Жестко сфокусированный исходным фрагментом образ блокирует «посторонние» ассоциативные связи. В сознании всплывает стереотип, для которого готова структура – фрейм ситуации (когнитивный фрейм, на основе которого формируется предвербальная цельность) и текст-клише (языковой фрейм, вербальная цельность). В данном случае фрейм понимается нами

как «...готовая структура данных для представления стереотипной ситуации, соответствующая обычно частотным, но иногда и непродуктивным стереотипам» [8, с. 61]. Подчеркнем ссылку на частотность стереотипов в определении фрейма В.З. Демьянкова: формирование стереотипа на основе частотности сочетаний происходит посредством ассоциативного механизма. Таким образом, структурирование цельности лишается эвристического характера.

Рема «принадлежит» ассоциативному полю и в том случае, когда совпадает с реакциями из ассоциативного поля, не вошедшими в исходный фрагмент. Обычно это происходит при средних значениях силы ассоциативных связей. Сила ассоциации достаточна для того, чтобы сфокусировать образ, не выходящий за пределы исходного ассоциативного поля; это гарантирует целостность образа. Тем не менее ассоциации не настолько сильны, чтобы спровоцировать стереотип, блокируя «посторонние» связи. Это означает: при структурировании цельности возможна (и, как правило, реализуется) опора на индивидуальный опыт, что является неперенным условием эвристичности порождения текста. Таким образом, структурирование цельности при условии выбора ремы из исходного ассоциативного поля оказывается достаточно плодотворным при средних значениях ассоциативной силы.

Можно сказать, что в описанных случаях при структурировании цельности преобладает *центростремительная тенденция*. Центростремительная тенденция выражается в актуализации ассоциативных связей исходного ассоциативного поля. В развернутом тексте центростремительная тенденция проявляется двояко в зависимости от ассоциативной силы заданного фрагмента:

1 – как для текстов, развернутых на основе низкоэнтропийных полей (*СТОЛ*), так и для текстов, развернутых на основе стандартных ассоциаций из слабых ассоциативных полей (*ЗАНЯТИЕ – в школе, ШКОЛА*) характерно небольшое количество совпадений лексики текстов с реакциями из исходного ассоциативного поля; в этом случае выбор маркирующего элемента (внутреннего предиката, аналога ремы) происходит среди заданных слов;

2 – при среднеэнтропийном слове-стимуле (ср. тексты на стимулы *ЖУРНАЛ; ДЕВОЧКА*) центростремительная тенденция проявляется противоположным образом, т.е. в сравнительно большом количестве совпадений лексики текстов с реакциями исходного ассоциативного поля; в этом случае выбор маркирующего элемента (внутреннего предиката, аналога ремы) происходит среди реакций исходного ассоциативного поля, отсутствующих в заданном наборе.

Выбор ремы может реализоваться и за пределами исходного ассоциативного поля. Рема выступает как ассоциация на одно (или сразу несколько) слов исходного набора. В таком случае мы имеем дело с ассоциативной «квазищепочкой». Одно (или сразу несколько) слов набора стимулируют ассоциативный поиск, опосредуя взаимосвязь исходного слова-стимула и ремы: S (исходное

слово) – R (S) (выбранный из его ассоциативного поля фрагмент) – R (рема). Рема обычно представляет тематическую ассоциацию (ассоциации по привычной ситуационной смежности и сложные соотносительные реакции по типологии А.Р. Лурия), что ярко проявляется в текстах, развернутых на основе «слабых» ассоциативных полей (*ЗАНЯТИЕ – трамвай, ЛЕС, ШКОЛА*).

Можно сказать, что в данном случае преобладает **центробежная тенденция** структурирования цельности. В развернутом тексте центробежная тенденция проявляется в небольшом количестве совпадений с исходным ассоциативным полем. Возможно, что одни и те же реакции из исходного ассоциативного поля встречаются в текстах разных испытуемых, выступая «посредниками» для ремы (например, в текстах, развернутых на основе фрагментов *ЗАНЯТИЕ – трамвай; ЛЕС*).

Наши данные можно интерпретировать как косвенное подтверждение «мягкого варианта» гипотезы двойного кодирования информации в памяти человека (см., например [9]; а также обзоры [10, 11]. В соответствии с концепцией двойного кодирования информация, во-первых, может быть представлена на основе вербального кода: так кодируется абстрактная информация. Во-вторых, возможно образное представление: так кодируется конкретная информация. А. Пейвио экспериментально доказал, что конкретное по семантике слово обрабатывается и хранится при некотором участии образной системы кодирования, в то время как абстрактное – при участии только вербальной системы [9]. Полученные в наших экспериментах данные свидетельствуют о том, что «путь» до невербального образа значительно короче и надежнее от заданного слова-стимула с конкретной семантикой, чем от слова-стимула с абстрактным значением.

Для носителей русского языка ассоциативная значимость в одинаковой мере зависит как от образности, так и от конкретности слова (соответствующие данные см. [12]). В.Ф. Петренко и А.А. Нистратов считают, что оценка образности связана с эмоциональной окраской, а эмоциональная окрашенность позволяет актуализировать связь общеязыкового значения с индивидуальным опытом: «Действительно, эмоционально окрашенные слова отражают эмоционально значимые для субъекта ситуации и, вызревая из «житейских понятий» (в терминологии Л.С. Выготского), сохраняют связь с индивидуальным опытом, выступающим чувственной тканью понятия, фиксированного в слове» [12, с. 15]. В результате при восприятии конкретного, многозначного и эмоционально окрашенного слова-стимула актуализируется прежде всего образная система кодирования, аккумулирующая индивидуальный опыт. При восприятии абстрактного слова, не обладающего эмоциональной окрашенностью, актуализируется диффузный образ, в меньшей мере насыщенный «чувственной тканью». Быстрая актуализация образной системы кодирования провоцирует эвристические стратегии речевой деятельности. Приоритет вербальной системы кодиро-

вания, проявляющийся при восприятии и обработке абстрактных слов, усложняет структурирование цельности, создание и воплощение в развернутой текстовой структуре «смутного динамического образа».

Напомним, что многозначные слова, согласно нашим данным, обладают более высокими значениями ассоциативной силы. Для конкретных слов разных частей речи также характерна более высокая ассоциативная сила, чем для абстрактных слов. Однако, в отличие от признака «многозначность», признак «конкретность значения» существенно не влияет на оценку ассоциативной силы. Впрочем, характеристики «многозначность» и «конкретность» взаимосвязаны: большую долю многозначных слов составляют слова с преобладанием денотативного компонента в структуре значения [13, 14]. Итак, многозначные слова с большой вероятностью вызывают у разных носителей языка одни и те же реакции. Конкретные по семантике слова в тенденции вызывают разнообразные ассоциации у разных испытуемых, хотя разнообразие реакций на абстрактные слова еще больше.

Итак, ассоциативная сила слова-стимула зависит от количества его лексико-семантических вариантов, т.е. многозначности, которая, в свою очередь, положительно коррелирует с конкретностью семантики и образностью. Переход от вербального кода к образному в сознании носителя языка у слова с высокими и средними оценками ассоциативной силы осуществляется быстрее, с меньшим количеством переключения кодов по сравнению с «ассоциативно слабым» словом.

Как показал дистрибутивный анализ, ассоциативная сила слова существенным образом влияет на проявление его ассоциативного поля в тексте (т.е. на количество лексических совпадений с его реакциями в тексте). Эти данные позволяют оценить степень влияния ассоциативного механизма на распределение семантических ролей и заполнение синтаксических позиций. Чем выше оценка ассоциативной силы слова, тем в большей мере проявляется ассоциативный механизм в развертывании текста и заполнении языковых фреймов (текста и предложения). Ассоциативный механизм актуализирует связи в пределах «родного» ассоциативного поля и частотные связи с другими ассоциативными полями. Сильная связь с другим ассоциативным полем приводит к формированию замкнутой смысловой системы за счет его ассоциативных связей. В результате получается, что непроизвольно возникшая «сильная» ассоциация предопределяет смысловую структуру текста.

Последовательное структурирование предвербальной цельности воплощается в развернутом тексте. Размытая, слабо структурированная цельность отражается в дефектных текстовых структурах, для которых характерны перемены темы от предложения к предложению, преобладание средств формальной связности над смысловой. Смысловые связи отсутствуют в текстах, поскольку их нет и в ментальной модели содержания текста в сознании

говорящего. В сознании говорящего смысловые связи замещаются соотношением заданных слов с аргументами единой пропозиции (или слотами фрейма), причем такое соотношение лишено смысловой иерархии.

Актуализация образа, окрашенного личностными смыслами на основе индивидуального опыта, значительно облегчает структурирование цельности. Преодоление мыслительного стереотипа отражается в отсутствии вербальных стереотипов, штампов и клише в развернутом тексте: эвристическая предвербальная цельность воплощается в тексте, лишенном речевых автоматизмов. В исследуемых текстах вербальных стереотипов довольно много. Это отчасти связано с жанром рекламного объявления [15]. Идиолект реализуется в лексическом разнообразии текстов, их относительно большей длине и синтаксической сложности. Для лексического разнообразия текстов существенна оценка ассоциативной силы ключевого слова: невысокая оценка ассоциативной силы связана с лексическим разнообразием текстов.

Анализ текстов, полученных в эксперименте «реклама», доказывает, что исходный образ может преобладать над структурным представлением цельности. Это проявляется в центробежной тенденции структурирования цельности. Образ возникает на основе одного или нескольких заданных слов в сочетании с инструкцией «Напишите рекламный текст...». Такое сочетание приводит к актуализации стереотипного предмета рекламы и фрейма рекламного текста. Естественно, происходит наложение готового фрейма на заданный фрагмент ассоциативного поля. В наших экспериментах это характерно для текстов, развернутых на основе «слабых» ассоциативных полей. Образный компонент открывает доступ к индивидуальному опыту, что позволяет реализовать эвристическую стратегию развертывания текста. Очевидно, для творческого текстопорождения на начальном этапе необходимо участие образной системы кодирования.

Подведем итоги. При порождении текста в нашем эксперименте конкретизацию темы и выбор ремы обеспечивает ассоциативный механизм. На первых этапах благодаря ассоциативному механизму актуализируются личностные смыслы, координируется информация, представленная в образной системе и пропозиционально. Далее структурированная цельность эксплицируется в тексте за счет исходного ассоциативного поля.

Возможны две основные тенденции в экспликации цельности за счет ассоциативного поля: центростремительная, при которой исходное ассоциативное поле остается базой экспликации цельности, и центробежная, при которой базой экспликации цельности становится периферия исходного поля и смежные ассоциативные поля. Центробежная тенденция чаще встречается при развертывании текста на основе фрагментов высокоэнтропийных ассоциативных полей. Она открывает «выход» на эвристическое текстопорождение, позволяя преодолеть неопределенность исходного НКС за счет привлечения периферических ассоциаций.

Мера проявления ассоциативного поля в развернутом тексте зависит от ассоциативной силы, а также от степени образности и конкретности семантики слова-стимула. Эвристическая стратегия развертывания текста связана прежде всего со средними значениями ассоциативной силы.

Заметим, что вероятностная характеристика ассоциативных структур (количественный параметр ассоциаций) едва ли не существеннее для текстопорождения, чем типологическая характеристика. Во всяком случае типология ассоциаций тесно связана с частотностью реакций, из чего можно сделать вывод о зависимости качественных характеристик от количественных. Вероятностное моделирование языковых и психических процессов отчасти подтверждает данную точку зрения (см., например, [16]). Тем не менее такой вывод, безусловно, нуждается в дополнительной экспериментальной проверке.

Следует оговориться, что отдельную проблему представляет анализ вариативности цельности в зависимости от личностных и интеллектуальных характеристик носителя языка. Решение этой проблемы возможно в рамках комплексного междисциплинарного исследования с применением целой серии тестов и анализа большого количества разнообразной речевой продукции субъекта. В настоящее время психолингвистикой и смежными науками отработаны надежные методики и подходы к решению проблемы индивидуальной вариативности речевой деятельности. Думается, что ассоциативные методики и анализ ассоциативного механизма – плодотворный путь к изучению индивидуальных стратегий речевого поведения.

Список литературы

1. Сахарный Л.В. Морфема как текст и морфема как часть текста // Л.В. Сахарный. Морфемика. Принципы и методы системного описания. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. – С. 157–170.
2. Сиротко-Сибирский С.А. О проблеме понимания текста в лингвистике и психолингвистике // Слово отзовется: памяти А.С. Штерн и Л.В. Сахарного. – Пермь, 2006. – С. 63–67.
3. Сахарный Л.В., Овчинникова И.Г. Ассоциативные пары как тексты // Материалы 8-го Всесоюз. симп. по психолингвистике и теории коммуникации. – М., 1985. – С. 86–87.
4. Овчинникова И.Г. Текстобразующая роль вербальных ассоциативных структур: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1986.
5. Касевич В.Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. – М.: Наука, 1988.
6. Мурзин Л.Н., Штерн А.С. Текст и его восприятие. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991.
7. Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация. – М.: Наука, 1983.

8. Демьянков В.З. Морфологическая интерпретация текста и ее моделирование. – М.: Изд-во МГУ, 1994.
9. Paivio A. mental representation: a dual coding approach. – New York: Oxford University Press, 1986.
10. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. – М.: Изд-во РГГУ, 1999.
11. Шабес В.Я. Речь и знание. – СПб.: Просвещение, 1992.
12. Петренко В.Ф., Нистратов А.А. Коэффициенты образности, конкретности и ассоциативной значимости для 84 русских существительных // Общение, текст, высказывание. – М., 1981. – С. 5–17.
13. Телия В.Н. Типы языковых значений: связанное значение слова в языке. – М.: Наука, 1986.
14. Уфимцева Н.В. Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания: сб. ст / отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М., 1996. – С. 139–162.
15. Овчинникова И.Г. Реклама как зеркало особенностей русской городской речи // Slavica Quinqueecclesiencia VI. 2000. Linqvistica. Translatologia. – Pecs, 2000. – С. 367–373.
16. Налимов В.В., Дрогалина Ж.А. Реальность нереального. Вероятностная модель бессознательного. – М.: Мир идей, 1995.

Получено 20.02.2013

I.A. Barinova, I.G. Ovchinnikova

ASSOCIATIVE MECHANISM IN TEXT GENERATION: STRATEGIES OF DEPLOYMENT OF THE INTEGRITY

The article is devoted to the study of associative mechanism in the process of text generation. Some strategies of deployment of the text integrity are described.

Keywords: *text, integrity, keyword, theme, rheme, associative field.*